

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ПЕРИОДА СТАЛИНИЗМА И НАСИЛЬСТВЕННОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ В СРЕДНЮЮ АЗИЮ И КАЗАХСТАН

Рахманкулова А.Х.

Ташкентский институт ирригации и мелиорации,

г. Ташкент (Узбекистан)

Осмысление таких явлений как политические репрессии и массовое выселение некоторых народов и национальных групп, которые происходили в Советском Союзе в 1930-1950-е гг., невозможно без выяснения истинных причин. Политические репрессии были напрямую связаны с общими переменами во внутренней политике и внешней обстановке СССР.

К началу 1930-х годов в стране сформировался тоталитарный режим, система личной диктатуры Сталина. И. В. Сталин выступил инициатором и вдохновителем разработки новой доктрины партии, которую условно можно назвать доктриной форсированного строительства социализма в СССР в условиях капиталистического окружения. Само подтверждение фундаментальной цели – построение социализма, учитывая экономическую и культурную отсталость СССР и враждебное капиталистическое окружение, предусматривало ускоренные индустриализацию в промышленности и коллективизацию в сельском хозяйстве, укрепление и ужесточение системы государственного управления, чрезмерную интенсификацию труда и т.д. Слабость экономического и культурного потенциала Советской страны должна была компенсироваться величайшим напряжением и сплочением сил, жесткой дисциплиной и организованностью. Важнейшей задачей при этом была очистка общества от чуждых элементов, которые мешают или могут помешать «строительству социализма». В сложной внутренней и внешней обстановке 30-х гг. XX века, имея целью предельное сплочение общества, сталинское руководство начинает уничтожать всех явных и потенциальных врагов Советской власти. Свою трагическую роль при этом сыграла рождающаяся теория все большего обострения классовой борьбы по мере продвижения к социализму. По отношению к национальным районам тезис об «обострении классовой борьбы» был напрямую связан с борьбой против национального «уклона». На XVI съезде ЦК ВКП(б) в 1930 г. И. В. Сталин таким образом сформулировал это положение: «Общая атмосфера обострения классовой борьбы не может не вести к известному обострению национальных трений, имеющих свое отражение в партии» [1, с. 33].

Вышеизложенные идеологические установки сталинского руководства сыграли роковую роль в истории страны. Опираясь на мощную систему карательных органов, сталинское руководство в 1930-е годы раскручивает маховик репрессий. В ходе репрессий чисткам подверглись народнохозяйственные, партийные, государственные, военные, научно-технические кадры, представители творческой интеллигенции. Только в 1937 г. по политическим приговорам троек особых совещаний и военных

трибуналов, по некоторым данным, было расстреляно 350 тыс. человек [2, с. 104].

Волна репрессий захлестнула национальные районы. Из 644 депутатов съезда Коммунистической партии, прошедшего в мае 1937 г., в Тбилиси 425 были в последующие месяцы репрессированы. Аналогичное произошло в Армении, Азербайджане, Белоруссии и на Украине. Тяжелые репрессии обрушились на Татарию, Узбекистан, Казахстан, Таджикистан, Туркмению. В Узбекистане уже в первой половине 1920-х годов в национализме были обвинены такие государственные деятели, как К. Атабаев, Т. Рыскулов, А. Рахимбаев, Н. Тюракулов, И. Хидиралиев, С. Ходжанов. Затем были сфабрикованы дела, получившие названия «иногамовщины», «группы 18-ти», «касымовщины», обозначенные, в основном, по фамилиям людей, возглавлявших группы недовольных политикой власти в области экономики и культуры. В конце 1929 г. начались аресты членов подпольной организации «Миллий истиклол» во главе с известным просветителем Мунавваром Кары. Из 85-и арестованных членов этой организации 15 были расстреляны, остальные отправлены в исправительные лагеря. Очередная волна репрессивной политики властей в 1937–1938 гг. коснулась духовенства. В это время репрессиям подверглись республиканские эшелоны власти, и уже к весне было репрессировано более 70 процентов руководящего состава республики. В течение 1937–1938 гг. были заключены в тюрьмы более 41 тыс. человек, из которых 6 тыс. 920 были расстреляны. Всего в течение 1937–1952 гг. в Узбекистане было репрессировано 100 тыс. человек, 13 тыс. из них были приговорены к расстрелу [3, с. 155-158].

Надо сказать, что репрессии были направлены не только против отдельных лиц, слоев, но и против целых народов. Огромное количество людей было незаконно депортировано из мест своего проживания и большинство из них пострадало совершенно безвинно. Среднеазиатские республики как Западная Сибирь и Казахстан, были выбраны как места расселения и спецпоселений для депортированных народов и спецпереселенцев. Большое количество их было расселено в Казахстане и в Узбекистане.

Крупной волной принудительного переселения стала так называемая кулацкая ссылка, связанная с проведением насильственной коллективизации. В 1931-1932 гг. центр переселения сместился в Казахстан, Среднюю Азию и Западную Сибирь. Раскулаченные и высланные кулаки проходили первоначально по ведомству ГУЛАГ ОГПУ и именовались спецпереселенцами [4]. В 1934 году их переименовали в трудпоселенцев, а места их расселения переименовали из спецпоселков в трудовые поселки (трудпоселки). Расселяли кулаков небольшими поселками в так называемые «трудовые поселки».

Так если на 1 июля 1938 г., на учете Отдела трудовых поселений ГУЛАГа НКВД СССР состояло 997 329 трудпоселенцев (основная масса проживала в 1741 трудпоселке), из них были расселены: в Карагандинской области – 91 297, Северо-Казахстанской области – 8905, Южном Казахстане

– 34 453, Киргизской ССР – 11 845, Таджикской ССР – 9052 трудпоселенцев [5, с. 213-214, 216].

В Казахстане подавляющее большинство трудпоселенцев находилось в 30 трудпоселениях Карагандинской области. В республике были размещены самые крупные лагеря – Карлаг, Степлаг, АЛЖИР, а также другие структуры ГУЛАГа – Главного управления лагерей. Официальная статистика свидетельствует, что за годы репрессий в казахстанские лагеря было сослано 5,5 миллиона человек, но некоторые называют другие цифры. В годы существования Карагандинского исправительно-трудового лагеря (Карлага) (1930-1959) здесь содержались примерно 800 тыс. заключенных, которых заставляли заниматься тяжелым физическим трудом, в первую очередь в сельском хозяйстве, но также на угольных шахтах, медных рудниках, в железнодорожном строительстве. С целью разработки месторождений цветных металлов близ г. Джезказган Карагандинской области в 1948 г. был создан лагерь «Степной» (Степлаг) для «особо опасных государственных преступников», в котором на 1 января 1950 г. насчитывалось 27 850 заключенных [6, с. 212].

В Узбекской ССР существовал филиал ГУЛАГа Сазлаг (1930-1943, производство: работа в совхозах, на хлопковых заводах, мелиоративные работы и т.д.). Позже были организованы Ангрэнлаг (1945-1946, производство: строительство Ангрэнского угольного разреза, работы по отводу р. Ангрэн и строительству ж/д и шоссейного мостов, строительство паровозного депо, кирпичного завода и различных объектов), Каракумлаг (1950-1953, производство: строительство Главного Туркменского канала, плотины на р. Амударья у Тахиаташа с ГЭС и др. работы). По состоянию на 1 января 1941 года по Управлению исправительно-трудовых лагерей НКВД Узбекской ССР дислокация трудпоселков выглядела следующим образом: количество трудпоселков-14, состояло семей - 3328, человек - 12078, в том числе детей до 3 лет-1215, от 3 до 8 лет – 1063, детей и подростков от 8 до 14 лет - 1952 человек [7, л. 111]. Трудпоселенцы были из 23 разных национальностей.

С середины 1930-х гг. в Среднюю Азию и Казахстан все чаще отправляли представителей принудительно выселяемых и депортируемых народов. Например, в 1935 г. в Казахстан попали около 10,5 тыс. финнов, в Таджикскую ССР депортировали около 1 тыс. финских семей из Ленинградской области. Через год в Казахстан последовали 70 тыс. высланных из украинских приграничных районов поляков и немцев. Вследствие «чисток» южной границы, в соответствии с постановлением Совета народных комиссаров (СНК) и Центрального исполнительного комитета (ЦИК) СССР № 103/1127-267сс от 17 июля 1937 г. о создании на южной границе специальных запретных полос, из приграничных районов Грузии, Армении, Азербайджана, Туркмении, Туркмении, Узбекистана и Таджикистана в Киргизскую ССР принудительно переселили 812 курдов. По другим данным, в июле 1937 г. в Киргизию и Казахстан сослали в общей сложности 2 тыс. курдов. В 1938-1939 гг. была проведена депортация 8 тыс.

иранцев, в т. ч. 6,3 тыс. из Азербайджана. Их также селили в Казахстане и Киргизии. Одну из этнических групп, подвергшихся тотальной депортации после выхода постановления “О выселении корейцев из пограничных районов Дальневосточного края” СНК СССР и ЦК ВКП(б) (от 21 августа 1937 г.), составили корейцы с Дальнего Востока России. 95 тыс. из них в октябре-ноябре 1937 г. прибыло в Казахстан, 74,5 тыс. в Узбекистан [8, л. 139].

В 1940-е годы тотальной депортации подверглись немцы, калмыки, народы из Северного Кавказа: карачаевцы, чеченцы, ингуши, балкарцы, из Крыма: крымские татары, болгары, греки, армяне и иноподанные, из Грузии: турки-месхетинцы, курды и хемшины и другие народы. Так, 1 апреля 1945 г. на учете Отдела спецпоселений НКВД СССР числилось 2 212 126 спецпереселенцев и ссыльнопоселенцев. География их расселения в республиках Центральной Азии выглядела следующим образом: Казахская ССР – 846 065, Узбекская ССР – 192 638, Киргизская ССР – 124 487, Таджикская ССР – 5595, Туркменская ССР – 1680 человека [9, л. 2]. Узбекистан занимал второе место по размещению спецпоселенцев и ссыльнопоселенцев в стране (после Казахстана). В послевоенный период были высланы так называемые «власовцы», к середине 1949 г. выселенцы из Молдавии. По состоянию на 1 января 1953 года в Узбекской ССР количество спецпоселенцев составило 188689 человек [10, с. 213-214, 216]. Из них мужчин – 52924, женщин – 73139, детей до 16 лет – 58996 человек. Количество среди спецпоселенцев иноподданных и лиц без гражданства составило 2743 человек. Из них: из Греции – 2472, Ирана – 7, Турции – 208, Германии – 1, Польши – 3, Румынии – 1, без гражданства – 53 человек. Мобилизованные немцы составляют 1024 человек. Сведения о количестве спецпоселенцев, расселенных в республике (по контингентам) представлены следующим образом (смотрите таблицу) [11, с. 229-241]:

№	Наименование республик, краев, обл.	Наименование контингента	Находится в наличии				Кроме того		Всего состоит на учете
			Семей	Чел.	Из них		Числятся в розыске	Находится в местах лишения свободы	
					Взрослых	Детей до 16 лет			
1	Узбекская ССР	Итого:	45600	185055	126063	58992	156	3478	188689
	В том числе:	Калмыки	224	794	551	243	-	14	808
		Власовцы	-	216	216	-	6	95	317
		Из Молдавской ССР	1	10	8	2	-	-	10
		Из Крыма	32263	130856	91555	39301	101	2774	133731
	Из них:	Татары	30882	125519	87392	38127	97	2732	128348
		Греки	1068	4065	3185	880	1	31	4097

	Армяне	99	379	304	75	-	2	381
	Болгары	14	53	40	13	-	-	53
	др. нац., не входящие в состав семей спецпоселенцев из Крыма	200	840	634	206	3	9	852
	Из Грузии	10756	43611	26888	16723	39	217	43867
Из них:	Турки	7407	30399	18664	11735	35	154	30598
	Курды	135	666	396	270	-	1	667
	Хемшины	-	2	2	-	-	-	2
	Немцы	2021	7996	5804	2192	8	362	8366
Из них:	Местные	1230	4603	3291	1312	3	58	4664
	Высланные по решениям правительства	381	1431	1068	363	-	20	1451
	Мобилизованные	213	1010	788	222	-	14	1024
	Репатриированные	192	910	615	295	5	270	1185
	др. нац., не входящие в состав семей спецпоселенцев немцев	5	42	42	-	-	-	42
	Из Северного Кавказа	335	1572	1041	531	2	16	1590
Из них:	Карачаевцы	150	818	558	260	1	2	821
	Балкарцы	101	409	250	159	-	1	410
	Чеченцы	53	175	119	56	-	5	180
	Ингуши	29	159	106	53	1	7	167
	др. нац., не входящие в состав семей спецпоселенцев из Северного Кавказа	2	11	8	3	-	1	12

В общесоюзном масштабе правовое положение спецпереселенцев-депортированных народов, условия их проживания и трудоустройства в местах насильственного поселения были определены постановлением СНК СССР (№35 от 8 января 1945 г.) “О правовом положении спецпереселенцев” и согласно “Положения о спецкомендатурах НКВД”, принятого СНК СССР 8 января 1945 г. (№ 34-14 под грифом “секретно”). Согласно этим директивам закреплялось принудительное трудовое устройство и ограничение прав спецпереселенцев на свободное передвижение. В условиях спецрежима права спецпереселенцев стали регулироваться в основном спецкомендатурами. И

на местах были созданы отделения спецкомендатур при местных управлениях НКВД. Целью создания спецкомендатур, являлось обеспечение государственной безопасности, охрана общественного порядка и предотвращение побегов спецпереселенцев с мест их поселения, а также контроль за их хозяйственно-трудовым устройством. В частности, на 21 января 1947 г. 49 253 семей (179 368 человек) спецпереселенцев находились под надзором 120 спецкомендатур, которые были созданы в областях городах и районах Узбекистана [12, с.159]. Спецпереселенцы имели формальное право выбирать и быть избранными в советы депутатов трудящихся, но только до районного звена. Они могли награждаться орденами и медалями СССР. На бумаге были записаны и многие другие права. Однако в реальной жизни часто все было по-другому. Судьба и жизнь многих спецпереселенцев зачастую зависела не от законов, а от личных качеств начальника районного отдела НКВД. Перемены в жизни спецпереселенцев по всей стране наступили с середины 1950-х годов.

Следует сказать, что вопрос о правовом статусе корейцев, выселенных в 1937 г. из Дальнего Востока в Казахстан и Среднюю Азию, до сих пор вызывал споры. Их статус был четко не обозначен. Корейцы формально считались по своему статусу административно–высланными и не входили в состав спецпоселенцев, хотя во многом были ограничены в правах. В конце Второй Мировой войны угроза перевода на положение спецпереселенцев нависла над корейцами. Из Москвы в НКВД Казахстана, Узбекистана, Киргизии пошли запросы с просьбой сообщить своё мнение на этот счет. НКВД Казахской ССР заявил о нецелесообразности взятия корейцев на учет спецпоселений, а НКВД Узбекской ССР – наоборот, о целесообразности [13, лл. 16, 18]. НКВД Киргизской ССР не смог подтвердить факта проживания корейцев в этой республике. В итоге в начале июля 1945 г. в НКВД СССР было решено распространить спецпереселенческий статус только на корейцев, временно работавших по трудовой мобилизации в угольной промышленности Тульской области. В июле 1945 г. в Тульской области 1040 мобилизованных корейцев были возведены в положение спецпереселенцев. После снятия с них спецпереселенческого статуса, они возвращались из Тульской области в Казахстан и Узбекистан [14, с. 118].

Что же касается корейцев, проживавших в казахстанско-среднеазиатском регионе, то они не были спецпереселенцами. Этим корейцам 2 августа 1946 г. было решено выдать паспорта без ограничений. Но согласно директиве министра МВД С.Н. Круглова от 3 марта 1947 г., разрешался выдавать корейцам новые паспорта, только с правом проживания в пределах Средней Азии, исключая, разумеется, приграничные районы. Им запрещалось проживание в Дальневосточных регионах. Они могли свободно передвигаться только в пределах Средней Азии, а с 1953 г. по всей стране [15, лл. 21-22].

Депортации, эвакуации и другие миграционные процессы повлияли на изменение национального состава населения республик Центральной Азии. В частности, в целом за межпереписные годы национальный состав

населения Узбекистана в 1959 г., в отличие от 1939 г. стал более представительным. В 1939 г. в Узбекистане уже проживало наряду с другими национальностями 72 944 корейцев, а в 1959 г. 138 453 корейцев. Всесоюзной переписью населения 1959 г. в республике было зафиксировано немногим более 100 различных наций, переписью 1970 г. – около 120 и переписью 1989 г. – более 130 представителей различных наций. В 1989 г. в Узбекистане проживало крымских татар – 188 772, корейцев – 183 140, турков – 106 302, армян – 50537, немцев – 39 809, греков – 10 453 человек.

В последнее время географическое распределение депортированных народов в государствах Центральной Азии сильно изменилось. С середины 1950-х и особенно с конца 1980-х гг. большинство их представителей возвратились в родные места. Часть из них эмигрировали в др. регионы СНГ или за границы. Поскольку переписей населения с 1989 г. не проводилось, точных данных о численности отдельных этнических групп нет. Можно, однако, с уверенностью сказать, что процессы социально-экономических преобразований затронули их наравне с группами коренного населения.

Таким образом, изучение политики депортаций народов позволяет сделать вывод, что политика тоталитарного режима была направлена на ограничение и ущемление личных, социальных, политических и гражданских прав насильственно выселенных народов. Насильственное переселение народов привело к огромным человеческим жертвам, моральным и политическим потерям. Существование в чуждом цивилизационном, этническом и конфессиональном окружении, оказало серьезное негативное влияние на образ жизни депортированных, их образовательный и культурный уровень, привело к утрате родного языка значительной частью депортированных. Но корейцы, крымские татары, турки-месхетинцы и представители других этнических меньшинств, оставаясь на местах расселения, затем уже ставшие гражданами государств Центральной Азии, вносили свой вклад в преумножение экономического и духовного потенциала этих государств.

Список использованной литературы:

1. Алферова И.В. Государственная политика в отношении депортированных народов (конец 30-х - 50-е гг.). Дис. ... канд. истор. наук. – М., 1998.
2. Хлевнюк О. 1937: противодействие репрессиям // Коммунист. 1989. №18.
3. Алимova Д. А. История как история, история как наука. В 2-х томах. Ташкент: Узбекистан, 2008. Т.1.
4. До 1934 г. крестьяне, направленные в «кулацкую ссылку», назывались спецпереселенцами, в 1934-1944 гг. - трудпоселенцами, с 1944 г. - спецпоселенцами.
5. Земсков В. Н. Спецпереселенцы в СССР, 1930–1960. – М.: Наука, 2005.
6. Кригер В. Казахстан // Энциклопедия изгнаний: Депортация, принудительное выселение и этническая чистка в Европе в XX веке /редкол.: Брандес Д., Зундхауссен Х., Трёбст Ш. – М.: РОССПЭН, 2013.
7. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации), Ф. Р-9479, Оп. 1. Д. 62.
8. ЦГА РУз, Ф. 837, оп.32, д. 593.
9. ГАРФ, Ф. 9479. оп. 1. Д. 257.
10. Земсков В. Н. Спецпереселенцы в СССР, 1930–1960. – М.: Наука, 2005.

11. Депортация народов СССР (1930-1950-е годы). 1 часть. Документальные источники ЦГАОР высших органов власти и органов госуправления СССР. Материалы к серии. «Народы и культуры». Выпуск 12. – М., 1992.
12. Рахманкулова А.Х. Об использовании трудового потенциала депортированных народов в Узбекистане в конце 1930-х – 40-е годы// Этнографическое обозрение, 2006, №5.
13. ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 186.
14. Земсков В. Н. Спецпереселенцы в СССР, 1930–1960. – М.: Наука, 2005.
15. ГАРФ, Ф. 9479. Оп. 1. Д. 436.

БИОГРАФИЯ СРЕДЫ В КОНТЕКСТЕ РЕПРЕССИРОВАННОЙ ПАМЯТИ: ЖИЗНЕННЫЕ ТРАЕКТОРИИ ЯКУТСКОЙ И КАЗАХСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ (20-30 гг. XX ВЕКА)

Романова Е.Н. *доктор исторических наук*
ИГИПМНС СО РАН, г. Якутск (Россия)

Сураганова З.К. *кандидат исторических наук*
Национальный музей Республики Казахстан, г. Астана

Обращение к концепту памяти в рамках советского государственного нарратива, осмысление национальной истории СССР как «опыта переживаний» с позиций современного знания и новых теоретико-методологических подходов является актуальным историческим трендом обществоведов и гуманитариев на постсоветском пространстве. В настоящий момент уровень междисциплинарных исследований, посвященных теме политических репрессий в отношении народов, национальных лидеров, старой интеллигенции в бывших советских республиках позволяет говорить о наметившемся здесь «когнитивном» повороте и использовании историко-антропологического ресурса в интерпретации сложных процессов национальной истории, вписанных в идеологический ландшафт тоталитарной системы сталинской эпохи.

Память, как переживание исторического опыта конструирует образы прошлого, утраченные в ходе советского нацистроительства, при этом «фигуры воспоминаний» (по Я. Ассману) транслируют картину мира репрессированных идей первых интеллектуалов в их сопряжении с региональными проектами о национальном самоопределении и этнической самоидентификации народов Российской империи.

В этом плане представляется важным рассмотреть «ландшафт мировосприятия» первой волны национальной интеллигенции в рамках формирующегося программного национального «текста», который в последствие станет главным политическим орудием в обвинении их в национализме и шпионаже в пользу Японии.

Методологической новацией нашего исследования является использование биографического нарратива в рамках «новой компаративной